

РАЗДЕЛ I. Отечественные философы 40-х – 60-х годов XIX столетия и проблематика русского мировоззрения.

Глава I. Социально-политические и философские воззрения Н.П. Огарева и А.И. Герцена (годы зрелости).

Рассмотрение взглядов Н.П. Огарева и А.И. Герцена в «зрелый» или, иначе сказать, заграничный период их деятельности, имея ввиду феномен «новых людей» позволяет подойти к анализу их творчества в контексте поиска ответа на один из фундаментальных вопросов философского исследования – что есть человек и общество, какими они должны быть и как происходят их изменения.

У Н.П. Огарева образ «нового человека» просматривается не напрямую, а через призму его размышлений о феномене русской общины, о ее историческом прошлом, настоящем и желаемом будущем. Убедившись в невозможности преобразования крепостничества посредством введения вольнонаемного труда, что Огарев, как известно, попытался сделать в своих имениях сам, он с удвоенной энергией обращается к идеям «русского социализма», который, по его мнению, может быть учрежден на основе общинного строя народного государства – федеративной республики самоуправляющихся местных общественных образований. Именно эта мысль становится ключевой для ряда его небольших политически окрашенных социально-философских и историко-публицистических произведений и писем конца 50-х – 70-х годов.

В этой связи, в первую очередь примечательна написанная для «Колокола» в 1857 году, но не напечатанная в нем статья, симптоматично озаглавленная «Что бы сделал Петр Великий?» В этот период Огарев, преисполненный ожиданий реформаторских действий от Александра II и как бы с учетом примера его великого венценосного предшественника рассматривает ряд важных для России вопросов, разрешение которых видит посредством благой деятельности «царя-революционера». Он прямо заявляет: «Пусть условия нашего века иные, но хотелось бы, чтобы в эти новые

условия опять вошла могучая личность с ясным умом и неуклонным преследованием своей цели. Хотелось бы для России опять Петра Великого!»¹

На что же уповает Огарев в своих надеждах на «нового Петра»? На то, что государь вновь, как это было ранее, проявит свое «гениальное чутье» и обнаружит свое понимание того, что «Россия – не Азия», что «русский ум ясен и боек», а «русский человек ловок и предприимчив». Огарев рассчитывает, что царь осознает, что общество нуждается в «европейском образовании», «правильном суде», «правильном войске», а также в «сильном государстве» и «образованных людях» в его собственном царском окружении. Все это срочно необходимо, так как, с сожалением констатирует автор статьи, в настоящее время все это находится в ущербном состоянии и потому России вновь требуется «император-вождь». Поскольку этим тезисом данная статья и завершается, то, возможно, ее столь мечтательный, неконструктивный и далекий от революционности характер и послужил причиной того, что она после написания не была напечатана сразу.

В вопросе о подготовке и проведении освободительной реформы Огарев, как и Герцен в течение второй половины 50-х – начале 60-х годов, в отличие от революционных демократов А. Добролюбова и Н. Чернышевского, не занимали одной позиции. Сколько было возможно они рассчитывали на государственную мудрость Александра II и либерально настроенных членов его кабинета. В этой связи они, естественно, подвергались нападкам с обеих противоборствующих сторон – и защитников, и ниспровергателей режима. «Нас упрекают, - писал Герцен в опубликованной в «Колоколе» в ноябре 1858 года статье, - либеральные консерваторы в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно.

Нас упрекают свирепо красные демократы в том, что мы мирволим Александру II, хвалим его, когда он делает что-нибудь хорошее, и верим, что он хочет освобождения крестьян.

---

¹ Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. Т.2, с. 24.

...Шаткость в правительстве отразилась в наших статьях. Мы, следуя за ним, терялись и, откровенно досадуя на себя, не скрывали этого... Ринутые в современное движение России, мы носимся с ним по переменному ветру, дующему с Невы»².

В своих нападках на царизм «красные демократы» вопреки призывам умеренного либерала Б.Н. Чичерина «не знали меры и не угадывали пору». Герцена, в частности, особенно возмутили их нападки на русскую дворянскую интеллигенции, на так называемых «лишних людей». Так, Добролюбов в статьях «Что такое обломовщина» и «Литературные мелочи прошлого года» отнес к обломовцам, пренебрегающим настоящим делом, Онегина, Печорина, Рудина, издевался над «мизерным характером, обнаруженным современной литературой в последнее время», утверждал, что литература «не имеет ни малейшего права приписывать себе инициативы ни в одном из современных общественных вопросов». Добролюбов, наконец, имея ввиду Герцена и Огарева, всячески подрывал доверие молодежи к «старым авторитетам», «зрелым мудрецам», призывал сконцентрировать внимание исключительно на «самобытной деятельности» народных масс, а если таковой не доставало, то задуматься о путях формирования условий, при которых таковая деятельность явится в концентрированном виде. От этой позиции оставался всего один шаг до выдвинутого через несколько лет Чернышевским и обращенного к молодежи лозунга не искать союза с дворянскими революционерами, а озаботиться культивированием «нового человека», используя отдельные элементы, которые предоставляла разночинная социальная среда.

В форме политического документа эта позиция была изложена в присланной Герцену и напечатанной им в «Колоколе» 1 марта 1860 года статье «Письмо из провинции», подписанной псевдонимом «Русский Человек»³. Обвиняя издателей лондонского журнала в раболепии, автор

---

² Герцен А.И. Собр. Соч. в 30-ти томах. Т. XIII, СС. 361 – 362.

³ Хотя вопрос об авторстве статьи не решен до конца, однако многие исследователи склонны приписывать его А.Н. Добролюбову. Впрочем, по мнению В.К. Кантора, статья

заявлял, что «не все в России обманываются призраками. ...Посмотрите, Александр II скоро покажет николаевские зубы». Завершал письмо словами: «...Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет!

...Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь».

В ответе Герцен заявлял, что не откликнется на этот революционный призыв до тех пор, пока останется хоть одна надежда. «К метлам надобно кричать, а не к топорам!», - заявлял он. А кроме того, в России вообще некого вырубать топором. Императорство является «постоянной реформой», дворянству в конце концов ничего не останется как освободить крестьян с земель, да и с нерешенным вопросом об общине тоже нельзя «идти на площадь»⁴.

Впрочем, после опубликования Манифеста 19 февраля 1861 года⁵ позиции Герцена и Огарева сделались более радикальными, о чем свидетельствуют последующие статьи на тему освобождения крестьян и «новых людей». Так, в 1863 году от имени революционного общества «Земля и воля» Огарев пишет воззвание «Всему народу русскому, крестьянскому от людей ему преданных поклон и грамота», в котором разоблачает антинародную сущность царского «Положения о выходе из крепостной зависимости». Согласно царскому акту, у крестьян отобрали часть принадлежащей им земли, назначили плату за ее выкуп, повысили оброки. Вместо этих действий правительства Огарев требует предпринять действительно справедливые меры, в том числе – наделение крестьян и их

могла принадлежать и Н. Огареву. См.: Кантор В. Срубленное дерево жидни. Можно ли сегодня размышлять о Чернышевском? Ж. «Октябрь», 2000, № 2.

⁴ Герцен А.И. Там же, т. XIV, СС. 238 – 244.

⁵ Напомню, что согласно ему, превращение крепостного крестьянина в «свободного сельского обывателя» затянулось на долгие десятилетия (только переход с феодальных повинностей на выкуп занял 20 лет); размер выкупа в полтора – два раза превышал стоимость земли, отводимой крестьянину в надел; часть надельной земли отрезалась в пользу помещика; над крестьянским самоуправлением надстраивались органы помещичьей и государственной власти.

последующее владение землей без оброка и выкупа, крестьянское народное самоуправление, выборный суд и свобода совести – прежде всего, свобода вероисповедания. Средством введения этих мероприятий Огареву видится всероссийский Земский собор из представителей всех сословий, на котором должны быть приняты решения по следующим вопросам:

«1) Отдача крестьянам земли без выкупа.

2) Отрешение чиновников и замена их людьми, народом избранными.

3) Совершенное уничтожение розог и всякого сечения.

4) Уничтожение рекрутчины и устройство народного ополчения.

5) Запрет – чтобы без согласия народного Земского собора нельзя было налагать ни податей, ни пошлин и чтобы без его ведома никуда правительство денег не тратило.

6) Свобода веры.

7) Уничтожение всякой сословной розни, чтоб не было ни дворян, ни крестьян, ни мещан, а был бы только под одно народ русский»⁶. Завершается воззвание если не призывом, то решительным предувещанием о том, что скоро «придет великий, ослушной час», к которому следует тщательно готовиться. В этом же духе Огаревым были написаны и социально-политические документы: возвания «Слово правды», «Братья солдаты! Одумайтесь – пока время», «Три вопроса», «Что-то будет?» и другие.

Особое место в мировоззрении Огарева в это время начинает занимать вопрос о старообрядческой вере как «краеугольном камне настоящей русской свободы». В «Политических письмах к старообрядцам», а именно – четырех «Письмах к иноку», увидевших свет в 1863 – 1864 годах, Огарев в концентрированном виде излагает свое представление о «крестьянском социализме» прежде всего как социализме старообрядческом.

Во-первых, несомненной ценностью старообрядчества Огарев называет «свободу веры, без которой нет общественного спасения»⁷. Старообрядчество, далее, «зиждется на земстве. Оно зиждется на свободе

---

⁶ Там же, сс. 98 – 99.

⁷ Там же, с. 131.

каждой деревни, каждого села управляться своими выборными людьми, ибо как скоро вы допустите казенное управление, то вам свободы веры не дадут, а дадут грабящее чиновничество и казенное духовенство»⁸. Эта идея народного самоуправления у Огарева разрастается до идеи «земского царя» - народом избранного, народные условия принимающего, царствующего по совету выбранных от земств бескорыстно и по твердым законам.

В-третьих, идеи старообрядчества⁹, совпадающие, по его мнению, с принципами русской народной жизни вообще, включают в себя общинное землевладение. В этом русская жизнь, полагает автор, противоположна жизни любого европейского народа. Мирское землевладение, согласно Огареву, возникло из того, что русский человек издревле продвигался с запада на восток страны и заселял пустые земли не в одиночку, а общинами-артелями. И этот «безобидный» обычай от него переняли иные народы, в том числе татары, мордва, черемисы. В соответствии с принципами общинной жизни, каждый человек «обязывался перед миром нести свою тягу, а мир обязывался ему своей общей подмогой».

Разрушить этот строй жизни не смогли цари, стремившиеся закабалить русский народ. Не разрушит его, подчеркивает Огарев, и идущая с современного Запада машинная цивилизация. Напротив, «у народа, у которого земля своя, да есть мирская круговая порука, - у такого народа

---

⁸ Там же. Примечательно, что такой же вывод спустя много позже в XX столетии в отношении русского раскола XVII века, в результате которого старообрядцы потерпели поражение, а победил русский царь и согласный с ним патриарх Никон, делает и Г. Фроловский. По его мнению, в это время в России сложилось «полицейское государство», при котором «изменяется самочувствие и самоопределение власти. Государственная власть самоутверждается в своем самодовлении, утверждает свою суверенную самодостаточность. И во имя этого своего первенства и суверенитета не только требует от Церкви повиновения и подчинения, но и стремится как-то вобрать и включить Церковь внутрь себя... Государство утверждает себя само как единственный, безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий, и всего законодательства, и всякой деятельности или творчества... Именно в этом и состоит замысел того «полицейского государства», которое заводит и утверждает в России Петр... Государство берет на себя безраздельную заботу о религиозном и духовном благополучии народа». Фроловский Г. Пути русского богословия. Минск.: 2006, сс. 85 – 86.

⁹ О старообрядчестве и русском расколе много нового систематически изложенного материала содержится в книге А. Глинчиковой «Раскол или срыв «русской Реформации?» - М.: Культурная революция, 2008.

машины сделаются достоянием не немногих отдельных хозяев и богачей, а достоянием народным, и богатства, ими производимые, пойдут не в руки правительства и немногих богачей, а сделаются в самом деле народными богатствами, в пользу не нескольких людей, а всех и каждого»¹⁰. Если на небольших частных участках земли западному земледельцу в одиночку трудно использовать машины, да и купить их одному ему не под силу, то для русского человека с его круговой порукой, привычкой к артельной жизни и большими общими полями с переделяемыми наделами это значительно проще. Таким образом, итожит Огарев, нужно признать, что в России есть всего один помещик – сельский мир и других помещиков ни теперь, ни в будущем не нужно.

И, наконец, совсем как призыв к противоправительственному выступлению звучат листовки Н.П. Огарева 1869 года – «Мужичкам», «Встреча» и «Напутствие». В них автор констатирует бесправное положение крестьянства, задавленного царем, попами и чиновничеством и прямо призывает к сплочению крестьян, городского мещанства и солдат с целью готовить «одно всеобщее восстание». При этом, обнаруживая навыки настоящего революционера, Огарев определяет и субъекта идеологической подготовки народного выступления – юношество, которое «прониклось смыслом общинных порядков и решилось дать крестьянству направление». В завершающих листовку стихах, он призывает:

«Учи того, кто не успел
С ума сойти в их жизни ложной,
Кто ищет искренен и смел
Рассудка простоты несложной.

Глагол – орудие свободы,
Живая жизнь, которой днесь

---

¹⁰ Там же, с. 140.

И вечно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готов ли?.. Ну! Теперь смотри –
Ступай по городам и селам
И о грядущем говори
Животрепещущим глаголом»¹¹.

Таким образом, если в конце 50-х годов Огарев еще питал иллюзии относительно просвещенного монарха-реформатора, то в конце жизни, уже после смерти А.И. Герцена он без сожаления отказывается от прежних иллюзий. В листовке «Будущность», написанной в 1870 году, содержатся, например, следующее признание: «Русские перемены сверху оказались такими же ничтожными, как и всякие другие перемены сверху. Перемену, или лучше сказать, переворот может сделать тот, кто его в самом деле хочет, кому он в самом деле составляет потребность, т.е. народ, большинство, масса. Иначе это всегда выйдет обман»¹².

Если обратить эти мысли на сформулированный в начале главы и важный для русского мировоззрения вопрос «что собой представляют и каковы должны быть человек и общество», то в ответе на него у Огарева наблюдается очевидная эволюция: место пассивного объекта, в отношении которого может совершить благое дело активная выдающаяся личность – царь, замещает активный субъект-труженик. То, каков есть в действительности и каким должен быть этот труженик, Огарев лишь намечает. Но в данном случае это и не важно. Конкретизацией этого образа, причем, как его реального отображения, так и фантазиями на заданную тему, как будет показано далее, займутся многие философы и литераторы. А пока обратимся к работам, выполнявшимся параллельно с Н.П. Огаревым его

---

¹¹ Там же, с. 229.

¹² Там же, с. 235.

соратником и другом, к философским и публицистическим трудам А.И. Герцена.

* * *

В обширном наследии Герцена вопрос о роли литературы в становлении национального самосознания принадлежит к числу неплохо изученных, но которому, как это ни странно, позднейшими исследователями уделялось сравнительно мало внимания. И поскольку в рассматриваемой теме «Русское мировоззрение» этот предмет является центральным, то к нему я и перейду, остановившись в том числе и на значимых для этого вопроса статьях Искандера: «О романе из народной жизни» (1857 г.) и «Новая фаза русской литературы» (1864 г.).

Из отечественных философов Герцен одним из первых понял какую роль играет литература в жизни российского общества, в становлении русского самосознания и русского мировоззрения. «Одним из свойств русского духа, - отмечает он, - отличающим его даже от других славян, является способность время от времени оглядываться на самого себя, отречься от собственного прошлого, взглянуть на него с глубокой, искренней, неумолимой иронией и иметь смелость признаться в этом без цинизма закоренелого злодея и без лицемерия, которое винит себя только для того, чтобы быть оправданным другими»¹³. Иностранцу, например, трудно было объяснить, почему постановка «Ревизора» производила столь сильное впечатление на русскую публику и, напротив, ему не казалось удивительным то, что поставленный в Париже в 1854 году этот спектакль с названием «Русские в своем собственном изображении» провалился.

Посредством осознания особой роли русской литературы в жизни общества, сделав литературу предметом социально-философского анализа Герцен тем самым предпринимает своего рода исследование природы русского человека и общества. Обратившись к истокам литературы в России, ее начало Герцен связывает с Фонвизиним. Автор знаменитых пьес, который

---

¹³ Герцен А.И. Эстетика. Критика. Проблемы культуры. М.: Искусство, 1987, с. 313.

долгое время состоял при русском посольстве в Париже, по возвращению на родину был поражен видом открывшейся ему варварской цивилизации, что он и отразил в комедиях «Бригадир» и «Недоросль». Говорят, что после просмотра «Бригадира» по выходе из театра князь Потемкин взял Фонвизина за руку и сказал: «Фонвизин, теперь умри!»

Нельзя полагать, будто русская литература с самого начала была демократичной в полном смысле этого слова. Хотя со времени своего возникновения русский роман, комедия или даже басня чаще всего имели отчетливо выраженный характер горькой иронии или насмешливой критики, они в силу ряда обстоятельств вызывали отклик лишь у небольшой просвещенной части общества. Обстоятельства эти были таковы.

Во-первых, русская литература изначально получила свое развитие лишь в среде дворянского меньшинства, оторванного от народа еще со времен Петра I. И положение этого класса было положением «чужаков среди собственной нации. Вместо отечества существовало государство; все трудились во имя его мощи и славы; естественная же основа, на которой покоилось здание, оставалась в полном пренебрежении. Положение это было, конечно, создано силой исторической необходимости; ... Патриархальность и бюрократия, византизм и германизм, варварская монгольская казарменная грубость и философия XVIII века, необъятное государство, где не существовало другой личности, кроме личности императора; полный разрыв между образованным классом и народом, иная одежда, иной язык, иные мысли, - словом, две России (остальное – безликая масса, конгломерат человеческих особей, упорядоченных в полки разных наименований): сельская община и дворянство, которые больше столетия стояли лицом к лицу, не понимая друг друга. Одна Россия, утонченная, придворная, военная, стремящаяся к центру, окружает трон, презирая и грабя другую; другая, - земледельческая, разбросанная, деревенская, мужицкая, поставлена вне закона.

Между двумя Россиями вскоре образуется связь, вернее промежуточное звено в виде чиновника. Он не так груб, как помещик, но еще более нечист на руку. Это самый отвратительный человеческий тип, какой только можно себе представить. Эта чернильная аристократия всегда выходила из самых низших слоев общества и смешивалась с аристократией крови, но никогда не возвращалась к народу»¹⁴.

К числу обстоятельств, определивших то, что литература вызывала отклик лишь у небольшой просвещенной части общества следует отнести и то, что литературные сюжеты с неизбежностью отражали жизнь лишь того социального слоя, в котором литература зародилась и для которого существовала. «Вторая Россия» была не только неграмотна, но оставалась неизвестной, не являлась сколько-нибудь серьезным предметом интереса для «России первой». К тому же жизнь и уровень развития России народной, по крайней мере, до начала XIX столетия и в особенности в связи с ростом народного самосознания после войны 1812 года, серьезного повода для внимания к ней со стороны литературы не давал.

Литература, наконец, аккумулировала в себе и в художественной форме представляла господствующие в определенной просвещенной части социума настроения и потребности. Таковыми во времена николаевского безвременья для многих людей из высшего общества, исполненных благородных стремлений, были чувства их общественной ненужности и бесполезности. Чацкий, Онегин, Ленский, Печорин – все они были не нужны самодержавной России, все были людьми «лишними». «Юная душа гонимого, униженного, жестоко притесняемого поколения с презрением бежала от действительности и искала свой идеал вдали.

...Это идеальное существо, этот «чужой среди своих», постоянно обращал взоры на Запад, и это было вполне естественно. Родина его цивилизации, его мысли находились вне России»¹⁵. Но вне России не было

---

¹⁴ Там же, сс. 312 – 313.

¹⁵ Там же, с. 315.

русского народа и это было еще одной причиной, объясняющей, почему литература была далека от него.

Гоголь, одним из первых русских литераторов обративший внимание на народ, писал не только карикатуры. При всем значении сатирического начала, в его творчестве звучит и другая, не менее звучная струна. Гоголь – совсем иной человек, когда «встречается с ямщиками из Малороссии, когда он переносится в мир украинских казаков или шумно пляшущих у трактира крестьян, когда рисует нам бедного старого писаря, умирающего от горя, потому что у него украли шинель... Талант его все тот же, но Гоголь нежен, человечен, полон любви; его ирония уже не ранит, не отравляет; отзывчивая, поэтическая душа переливается через край...»¹⁶ Гоголевский «положительный» герой размышляет, чувствует, иронизирует, смеется.

С самого начала смех в русской литературе был формой выражения отечественного самосознания, как говорит Герцен, «нашим искуплением», «единственным протестом и мщением, возможным для нас», да и то в ограниченных пределах. Открытое литературой сознание обнаружило гнусность человеческой жизни, в которой не было никакой независимости, никакой личной безопасности, никакой органической связи с народом. И само существование напоминало род казенной службы. Жаловаться, протестовать открыто было невозможно, что показал пример Радищева, которого Екатерина II объявила бунтовщиком «опаснее Пугачева» и сослала в Сибирь. Что же оставалось? Выход подсказала русская литература. «Насмехаться было менее опасно: крик ярости притаился за личиной смеха, и вот из поколения в поколение стал раздаваться зловещий и исступленный смех, который силился разорвать всякую связь с этим странным обществом, с этой нелепой средой; ...Не существует, кажется, другого народа в мире, который вынес бы это, ни литературы, столь дерзновенной»¹⁷.

Впрочем, не только смех, но горечь и ирония также были оружием русских литераторов. Образ Чацкого, «трепещущего от негодования и

---

¹⁶ Там же, с. 316.

¹⁷ Там же, с. 468.

преданного мечтательному идеалу, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне восстания на Исаакиевской площади; это – *декабрист*, это – человек, который *завершает* эпоху Петра I и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю... которой он не увидит»¹⁸.

С воцарением Николая I в России наступает эпоха безвременья. И в этой связи у Герцена прежде всего возникают вопросы относительно пассивности русского народа. В унисон знаменитому чаадаевскому письму он спрашивает: «...Какова же была причина этого равнодушия народа, этой апатии в несчастьях и страданиях? История русского народа представляет, в самом деле, очень странное зрелище. В течение более чем тысячелетнего своего существования русский народ только и делал, что занимал, распахивал огромную территорию и ревниво оберегал ее как достояние своего племени. Лишь только какая-нибудь опасность угрожает его владениям, он поднимается и идет на смерть, чтобы защитить их; но стоит ему успокоиться относительно целостности своей земли, он снова впадает в свое равнодушие – равнодушие, которым так превосходно умеют пользоваться правительство и высшие классы.

Поразительно, что народ этот не только не лишен мужества, силы, ума, но, напротив, наделен всеми этими качествами в изобилии. Действительно, русские крестьяне более развиты, чем земледельческий класс почти во всей Европе; исключения встречаются только в Швеции, Швейцарии и Италии»¹⁹.

Отчего же положение русского крестьянства более тяжелое, чем могло бы быть? Очевидно, предполагает Герцен и на это наблюдение 1864 года стоит обратить особое внимание в связи с нашим дальнейшим интересом к проблеме «новых людей», дело заключается в том, что «геологический народный пласт» существует отдельно от лежащего поверх него плодородного слоя – высшего класса с входящими в него просвещенными людьми. Именно лучшие представители этого слоя в будущем должны

---

¹⁸ Там же, с. 470.

¹⁹ Там же, сс. 471 – 472.

выступить в роли «бродила, реактива, нравственной закваски». Таким образом, некоторые определения тех, к кому будет прилагаться в дальнейшем термин «новые люди» в интерпретации Герцена названы. Это - представители «высшего класса» и люди из «просвещенного» слоя.

Однако в России после 1825 года, в отличие от Европы с ее городами и народившимся классом буржуазии, этого («химической реакции» по смешению верхнего и нижнего слоев), этого «бродила» пока, сожалеет Герцен, не происходит. В нашем отечестве наступила пора «лишних» людей, которые, правда (и это было их достоинством), никогда не становились на сторону правительства, но которые также не вставали и на сторону народа (и это был их недостаток). Между «лишними» людьми и народом в России существовал и существует омут, в котором, говоря словами Пушкина, «мы все купаемся».

Что думали по этому поводу «две русские партии» - славянофилы и западники? Славянофилы свое смутное предчувствие необходимости нового порядка вещей обратили в «религию прошедшего». Они «хотели воскресить» учреждения, которые никогда не давали развиваться положительной стороне существующего порядка вещей. Что же касается «Письма» Чаадаева, то оно «прогремело подобно выстрелу из пистолета глубокой ночью», после которого уже нельзя было больше спать. Но главное – между двумя лагерями возникла «независимая партия» (Белинский, Грановский, Тургенев), которая не только отвергла мрачный взгляд Чаадаева, но и «культ выходцев с того света, проповедуемый славянофилами». Именно она взяла на себя миссию продолжения дела Гоголя, равно как и воронежского прасола поэта Алексея Кольцова, полагает Герцен, именно в его поэзии доселе неизвестный мир русского крестьянства предстал «в своей наивной, естественной простоте, в своей смиренной нищете. Россия забытая, Россия бедняков, мужиков наконец подала голос».

Впрочем, похоже, одним этим голосом дело и ограничилось. Герцен отказывает отечественной словесности 40-х – 60-х годов в сколько-нибудь

серьезной содержательной работе по дальнейшему формированию русского самосознания и мировоззрения. «...Где же тут литература? Где новые произведения, новые таланты? Где поэт, романист, мыслитель? Какие созданы типы? Наконец, какие идеалы, какой лиризм, какое страдание нашли себе выражение в искусстве?

...Воплотится ли в жизнь новая форма, к которой люди стремятся?»²⁰, - спрашивает он. «Оживленная деятельность, вызванная пробуждением после смерти Николая, не породила великих произведений»²¹. И далее: похоже, в литературе наступает новая фаза развития – «фаза консервативная». В ней, правда, есть исключения. Например, драма «Гроза» Островского или «Мертвый дом» Достоевского. Но этого мало.

На мой взгляд, одной из причин столь резко отрицательного отзыва о содержании отечественной словесности было то, что проявилось в герценовской критике тургеневского Базарова. Базаров для Герцена, впрочем как и Инсаров, - не живые люди, а всего лишь «носители мысли, скрытой за кулисами». В сравнении с образами «Записок охотника», считает Герцен, это явные литературные неудачи. «Нигилист и болгарин ничего не сделали; они едва начали свой жизненный путь, и еще видна была школьная дверь, только что закрывшаяся за ними»²².

Наверное, еще одной причиной низкой оценки Герценом состояния русской словесности можно считать и тот жизненный выбор, который для себя лично в этот период сделал Искандер: подчинение сугубо литературного творчества делу революционной пропаганды. Именно с позиций этого императива простое «писательство» выглядело в глазах достаточно молодого человека делом если не бесполезным, то явно второстепенным. В статье «Еще раз Базаров. Письмо первое» (1869), как бы встраивая самого себя в изображаемый в литературе ряд героев, Герцен отмечает, что «общество не всегда глухо и неумолимо, когда протест попадает в тон, что дело иногда

---

²⁰ Там же, с. 504.

²¹ Там же, с. 508.

²² Там же.

удается, что у Рудиных и Бельтовых иной раз бывает и воля, и настойчивость и что, видя невозможность деятельности, к которой они стремились по внутреннему влечению, они бросали *многое*, уезжали на чужбину и заводили «не метавшись и не суетсяь» русскую книгопечатню и русскую пропаганду»²³. С позиций этого критерия художественные произведения, на которые обращается герценовская критика, проверки на значимость, безусловно, не выдерживали.

И, наконец, в упрек отечественной литературе 40-х – 60-х годов Герцен ставит и то, что своим недостатком внимания к чрезвычайно важному и к тому же реальному, а не придуманному, русскому историческому типу декабриста она создала у молодого поколения неверный взгляд на действительность. «Брать Онегина за *положительный* тип умственной жизни двадцатых годов, за интеграл всех стремлений и деятельностей проснувшегося слоя – совершенно ошибочно, хотя он и представляет одну из сторон тогдашней жизни.

Тип того времени, один из великолепнейших типов новой истории – *это декабрист*, а не Онегин. Русская литература не могла до него касаться целые сорок лет, но он от этого не стал меньшим.

Как у молодого поколения недостало ясновидения, такта, сердца понять все величие, всю силу этих блестящих юношей, выходящих из рядов гвардии, этих баловней знатности, богатства, оставляющих свои гостиные и свои груды золота для требования человеческих прав, для протеста, для заявления, за которое – и они знали это – их ждали веревка палача и каторжная работа? – Это печальная загадка»²⁴.

Между тем, сам точно определивший особую роль отечественной словесности в жизни российского общества Герцен, как представляется, недооценил ее несомненную конструктивную роль в формировании русского самосознания и русского мировоззрения.

---

²³ Там же, с. 518.

²⁴ Там же, с. 519. В статье «Еще раз Базаров. Письмо второе» А.И. Герцен высказывается еще более определенно: «Декабристы – наши великие отцы, Базаровы – наши блудные дети». Там же, с. 524.

В предыдущем исследовании, а именно – во втором томе «Русского мировоззрения», уже говорилось о необходимости и особой общественной значимости нового смыслового прочтения романной эпопеи И.С. Тургенева. Здесь же отмечу, что ко времени появления анализируемых статей А.И. Герцена уже были опубликованы не только значительная часть рассказов «Записок охотника» И.С. Тургенева и его повесть «Муму», но и романы «Рудин» (1855), «Дворянское гнездо» (1858), «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1861). К этому времени увидели свет и вызвали огромный общественный резонанс «Обыкновенная история» (1847) и «Обломов» (1859) А.И. Гончарова, а Л.Н. Толстой уже написал не только трилогию «Детство», «Отрочество» и «Юность», но также «Севастопольские рассказы» и «Казачьи рассказы». Также в это время были опубликованы циклы стихов Н.А. Некрасова, произведения писателей народнической ориентации, других значительных литераторов.

Недооценка вклада русской литературы в российское самосознание и тем самым в восприятие России представителями других наций явственно просматривалось и раньше, например, в известной статье 1851 года «Русский народ и социализм. Письмо к К.И. Мишле». Поводом для статьи Герцена послужили содержащиеся в очерке французского историка о русском народе уничижительные оценки его истории, его нравственных и революционных качеств. (Герцен с негодованием заявляет, что считает долгом «подать голос, когда человек, вооруженный огромным и заслуженным авторитетом, утверждает, что Россия не существует, что русские не люди, что они лишены нравственного смысла»²⁵). Вместе с тем, статья Герцена полностью отвечала поставленной им для себя цели – «познакомить Европу с Русью», что включало сообщение не только сведений о русской истории, но и пропаганду идей «крестьянского социализма». В авторских мыслях о крестьянской общине состоит главная позитивная ценность статьи.

---

²⁵ Герцен А.И. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1986. Т. 2, с. 154.

Подлинная жизнь русского народа, отмечает Герцен, заключается в его общинном бытии. Только в отношении к общине народ признает свои права и обязанности. Все, выходящее за ее пределы – власть, верования, принудительный труд – рассматривается как неправильное и несправедливое, вызывает стремление избежать или уклониться от контакта любой ценой. Отсюда - сознательное лживое поведение и поступки, стремление уклониться, не сделать, не участвовать. Вне общины крестьянину все «кажется основанным на насилии. Роковая сторона его характера состоит в том, что он покоряется этому насилию, а не в том, что он отрицает его по своему и старается оградить себя хитростью»²⁶. При этом свои собственные внутриобщинные дела крестьяне решают без обмана, конфликтов и по понятиям справедливости.

Чрезвычайно важным Герцен считает тот факт, что русская община, хотя и пережила сильные потрясения, устояла против вмешательства власти и благополучно дожила до развития социализма в Европе. И хотя Николай I раздавил в России либерализм, на русской почве зреет другой, не менее опасный цветок: освобождение крестьян неизбежно сопряжено с освобождением земли, а это, в свою очередь – «начало социальной революции, провозглашение сельского коммунизма». «Человек будущего в России – *мужик*»²⁷, - провозглашает Герцен. И задача просвещенных людей – нового человека – внятно сформулировать стоящие перед обществом задачи и организовать их выполнение.

В заключение Герцен приводит распространенную в России сказку, в которой царь, заподозрив царицу в неверности, велел законопатить ее с сыном в бочку и бросить в море. Много лет плавала бочка по морю. Царевич рос и скоро его голова и ноги стали упираться в днища бочки. И однажды подросший царевич говорит матери:

- Государыня-матушка, позволь протянуться вволюшку.

---

²⁶ Там же, с. 166.

²⁷ Там же, с. 170.

- Сынок, - отвечала мать, - не протягивайся. Бочка лопнет и ты утонешь в соленой воде.

Царевич смолк, а потом сказал:

- Протянусь, матушка; лучше раз протянуться вволюшку, да умереть.

«В этой сказке вся наша история», - итожит Герцен.

В какой мере русское мировоззрение является результатом исторического процесса, накопленного народом опыта, а в каком оно результат созидательных усилий созданной им и его лучшими представителями, культуры?

Ответы на этот вопрос в разные времена своей деятельности Герцен давал разные. В полной мере это касается и его отношения к русской классической литературе. Так, обнаруживаемое Герценом снижение оценки вклада русской словесности в процесс просвещения и преобразования масс в пользу прямого революционного обращения к ним, которое наблюдается у Искандера в период его лондонской деятельности нельзя рассматривать как недооценку постепенных просветительских усилий вообще. На мой взгляд, в последний период публицистической и литературной работы Герцен обнаруживает отход от революционной позиции и демонстрирует несвойственную ему ранее симпатию к тургеневской позиции «умеренного либерализма». Так, в 1869 году в заключительной части статьи «Еще раз Базаров. Письмо четвертое» Герцен явно умеренно-либерален. В отличие от других его текстов, статья эта преисполнена пафоса борьбы против всяческого рода «иконоборцев», «робеспьеровских нелепостей», «диких разрушительных призывов». Автор пишет: «Дикие призывы к тому, чтобы закрыть книгу, оставить науку – и идти на какой-то бессмысленный бой разрушения, принадлежит к самой неистовой демагогии и к самой вредной. За ним так и следует разнуздание диких страстей...

Нет, великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей. Христианство проповедывалось чистыми и строгими в жизни апостолами и их последователями, аскетами и постниками, людьми, заморившими все

страсти - кроме одной. Таковы были гугеноты и реформаторы. Таковы были якобинцы 93-го года. Бойцы за свободу в серьезных подвиганиях оружия всегда были святы, как воины Кромвеля, - и оттого сильны.

Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ломку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь нужна людям, проповедь неустанная, ежеминутная, проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. **Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения, - апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам.** (Выделено мной. – С.Н.).

...Дико необузданный взрыв, вынужденный упорством, ничего не пощадит... С капиталом, собранным ростовщиками, погибнет другой капитал, идущий от поколения в поколение и от народа к народу. Капитал, в котором оседала личность и творчество разных времен, в котором сама собой наслонилась летопись людской жизни и скристаллизовалась история...

Довольно христианство и исламизм наломали древнего мира, довольно Французская революция наказала статуи, картин, памятников, - нам не приходится играть в иконоборцев»²⁸.

Либеральность Герцена в последние годы его жизни отмечается и известными российскими исследователями его творчества. Так, И.К. Пантин в своей статье «А.И. Герцен: начало либерального социализма»²⁹ обоснованно утверждает необходимость изменения взгляда на фигуру Герцена в связи с «кризисом ...пролетарски-якобинского, ленинского направления в социализме», что, естественно, наряду с прочим, ведет к критической оценке ленинской статьи «Памяти Герцена» и к иному прочтению наследия великого мыслителя»³⁰. Именно Герцен, полагает автор статьи, положил начало воззрению «либерального социализма», в отличие от марковского «пролетарского», а в случае Ленина – «пролетарски-якобинского социализма». По Герцену, социализм трактовался как «постепенное

---

²⁸ Там же, сс. 545 - 546.

²⁹ Пантин И.К. «А.И. Герцен: начало либерального социализма». «Вопросы философии». 2006, № 3.

³⁰ Там же, с. 119.

претворение в жизнь идеи свободы и справедливости. Этот нравственный идеал должен быть воплощен в экономических и политических институтах, способных сделать универсальными ценности, которые узурпировала буржуазия, извратив их в собственных корыстных интересах»³¹.

Разочаровавшись в буржуазии, которая получив свою долю свободы, равенства и братства, с легкостью предала интересы европейского пролетариата, но также и не веря в способность рабочего класса самостоятельно отстаивать свои права на эти ценности, Герцен обращает свои взоры к русской общине. Однако он не идеализирует и ее, прекрасно понимая, что требования свободы, суверенитета индивида, самоценности личности для русского крестьянина пока еще пустой звук, что «неразвитый народ» руководствуется не разумом, а воспоминаниями и мифами, что ценностей этих, наконец, не добываются грубой силой, насильственным переворотом. Кроме того, в общественном сознании есть и не менее серьезная проблема, которую Герцен формулирует следующим образом: «Виновато ли меньшинство, что все историческое развитие, вся цивилизация предшествующих веков была для него, что у него ум развит за счет крови и мозга других, что оно вследствие этого далеко ушло вперед от одичалого, неразвитого, задавленного тяжким трудом народа? Тут не вина, тут трагическая, роковая сторона истории...»³² «Истина принадлежит меньшинству», поэтому все «свободное, талантливое, сильное» должно подняться, «выйти из толпы»³³.

Осознание Герценом огромной цивилизующей роли культуры не только как благодатного устроителя человеческой жизни, но и как действенного механизма, подготавливающего постепенный переход человека на более высокую фазу своего общественного развития означает серьезный поворот в строе мыслей автора «Былого и дум».

---

³¹ Там же, с. 120.

³² Герцен А.И. Собр. Соч. в 30-ти томах. М., 1954 – 1965, т. 6, с. 81.

³³ Там же, с. 96.

Этими же настроениями проникнуты и письма «К старому товарищу», датированные тем же 1869 годом. В них читаем: «Народное сознание так, как оно выработалось, представляет естественное, само собой сложившееся, безответственное, *сырое* произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач людского сожития, разных инстинктов и столкновений – его надобно принимать за естественный факт и бороться с ним, как мы боремся со всем бессознательным – изучая его, овладевая им и направляя его же средства – сообразно нашей цели»³⁴. И далее: «Социальному перевороту ничего не нужно, кроме *пониманья и силы*, знания – и средств. ...Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобразное. Горе бедному духом и тощему смыслом перевороту, который из всего бывшего и нажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только в пропитании. ...И кто же скажет без вопиющей несправедливости, чтоб и в былом и отходящем не было много прекрасного и что оно должно погибнуть вместе с старым кораблем»³⁵. Нужно иметь перед собой «дальние идеалы», но отдавать себе отчет в том, что долгое время должно пройти, прежде чем наступит «совершеннолетие большинства». Двигаться в этом направлении, полагаясь на точку зрения, что цивилизация возможна через кнут, что освобождение достанется через гильотину, нельзя. «Взять неразвитие силой невозможно», - итожит Искандер.

Впрочем, до смерти Александра Ивановича оставалось не более года и потому наметившийся в его прошлых революционных надеждах на «крестьянский социализм» либерально-реформаторский мотив не получил дальнейшего развития.

---

³⁴ Там же, сс. 534 – 535.

³⁵ Там же, сс. 535 – 536.